

УДК 821.112.2

КОНЦЕПЦИЯ СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АХИМА ФОН АРНИМА

Т.М. ГОРДЕЁНОК

(Полоцкий государственный университет)

Определяется отношение А. фон Арнима к идее судьбы, нашедшее отражение в одной из ранних критических работ автора. На основе анализа концептуального содержания идеи судьбы в творчестве писателя делается вывод, что позиция Арнима не претерпевает существенных изменений и является неким «усредненным» вариантом детерминизма и индетерминизма.

Как известно, Ахим фон Арним (1781 – 1831) совместно с Клеменсом Брентано (1778 – 1842) являлись центральными фигурами, вокруг которых сплотился так называемый гейдельбергский кружок (1805 – 1808) и которые стали основными репрезентантами новой «философии» романтизма, пришедшей на смену раннеромантическому мировоззрению и сформировавшейся в связи с ростом антифранцузских настроений после 1805 года.

Для характеристики этого периода в истории немецкого народа необходимо отметить, что в конце 1806 года прусская армия потерпела в сражениях с французами сокрушительное поражение. В это же время была окончательно ликвидирована «Священная Римская империя немецкой нации». «До сих пор Германию нельзя было представить без оболочки империи. С 1806 года оболочка исчезла, и сейчас, менее чем когда-либо, можно было сказать, что же такое Германия» [1, с. 87]. Эти события привели к обострению национального самосознания. Характерной чертой всего творчества гейдельбергских романтиков и А. фон Арнима как одного из главных представителей второй волны немецкого романтизма становятся поиски национальных корней и немецкой идентичности, стремление к возрождению, или даже рождению, немецкой нации.

Одновременно с этим у гейдельбержцев, и у Арнима в частности, подвергается трансформации концепция личности. Человек живет в эпоху, когда старые идеалы разрушены, а новые продемонстрировали свою несостоятельность, ход истории поставил личность в ситуацию катастрофического упадка всех ценностей и тотальной дезориентации. Как следствие, Арним в своем творчестве, с одной стороны, старается на примере отдельного человека продемонстрировать грехопадение общества в целом, с другой стороны, он стремится обозначить ценностные ориентиры, на которые может полагаться личность, и найти пути возможного выхода из создавшейся кризисной ситуации. Таким образом, писатель вольно или невольно затрагивает в своих произведениях идею судьбы, актуальность которой особенно явственна на переломных этапах развития общества и которая становится одной из форм воплощения принципов гейдельбергского романтизма.

Идея судьбы, как и ранее у иенцев, имеет важное значение в творчестве Арнима, но она понимается писателем иначе, так как в этот период вполне естественно изменяются представления о свободе и предопределении в жизни человека. Как верно пишет Ф.П. Федоров, «идея неограниченной свободы, являющаяся продуктом революционного энтузиазма, сменяется осознанием человеческой несвободы, являющейся продуктом послереволюционного опыта» [2, с. 69]. Тем не менее понимание ограниченности свободы личности не уводит Арнима в фатализм и абсолютный детерминизм, где царствует закон всеобщей причинности, лишаящей человека самостоятельности в определении выбора дальнейшего развития собственной жизни и ответственности за совершенные поступки. Об этом свидетельствует ранняя работа Арнима «О свободе и необходимости, наряду с некоторыми замечаниями о моральной системе» (1797). В этой работе писатель, критически оценивая понятие свободы, сложившееся в рамках фатализма и детерминизма, пишет, что такое «... ложное развитие понятия свободы <...> разрушает все узы человеческого общества, отравляет любой корень, любую питающую артерию, а затем, источив все дорогие узы, привязывающие нас к другим и к этой жизни, побуждает бедного смятенного человека отбросить добро, которое он не может больше ни любить, ни ценить, ни переносить» [3, с. 10]. Таким образом, Арним отвергает принципы абсолютного детерминизма с его полным забвением человеческой свободы, но одновременно с этим отказывается от индетерминизма иенцев, провозглашавших неограниченные возможности свободно действующей личности. Автор предлагает собственную позицию соотношения свободы и несвободы в жизни личности и в качестве наглядного примера своих взглядов по этому вопросу предлагает тему любви: «Но посмотрите на юношу и девушку, когда они, чисты и совершенны, *выскальзывают из образотворящей (bildenden) руки всеильного; <...> тысяча чувств переполняют их грудь и каждое увеличивает их совершенство. Телесная потребность соединяет их, и в первом объятии просыпается священное чувство долга (Pflicht). Я хотел бы назвать его первовлечением (инстинктом) души, так как с такой же необходимостью, с какой тело требует пищи, требует душа исполнения обязанностей. <...> Твое совершенствование является моим долгом, стремление к совершенствованию всех разумных существ*

является *моей целью*» (курсив наш – Т.Г.) [3, с. 13]. Данный отрывок демонстрирует, что собственная позиция писателя – это некий «усредненный», несколько идеализированный вариант детерминизма и индетерминизма, где при осознании существенного влияния некоей высшей власти и природной необходимости весомая роль отводится чувству внутреннего долга, направляющего человека к совершенствованию.

Чтобы понять, в какой степени данная позиция отражается в творчестве Арнима, нами были отобраны пять произведений, в которых идея судьбы отражается, на наш взгляд, наиболее ярко и полно: ранние новеллы «Изабелла Египетская, первая любовь императора Карла V» (1812), «Мелюк Мария Блейнвилле, пророчица из Аравии» (1812), роман «Хранители короны» (1817), а также новеллы «Фрау фон Заверне» (1817) и «Безумный инвалид с форта Ратонно» (1818)¹.

Как уже говорилось выше, в этот период особую актуальность приобретает тема поиска народом своей национальной идентичности. Эта проблема получает наиболее яркое освещение в самом известном произведении Арнима – новелле «Изабелла Египетская». Идея судьбы предстает здесь в нескольких ракурсах. Основные события в новелле подготовлены экспозицией – мифом о родине и грехопадении цыган. «Романтики, – пишет В.Г. Шукин, – увидели в мифах не только великолепные образы, полные художественной силы, но и некие «непосредственные» и в то же время «религиозные», универсальные символы и образы, выражающие самую глубинную суть природы и духа» [5, с. 21]. У Арнима миф о грехопадении цыган становится, с одной стороны, переработанным художественным вариантом мифа об истории цыганского народа, с другой стороны, он является средством репрезентации идеи судьбы, которая отражает суть человеческого бытия и представления человека о мире. Используя миф о многовековом проклятии всего цыганского народа, автор продолжает открытую еще в античной трагедии тему проклятого рода. Трагическая участь отца Изабеллы – это наглядный пример того, как карающая судьба обрушивается на потомков слуг фараона, проклятых богом за некогда совершенное зло. Однако Арним, который вслед за античными авторами рассматривает наследственность как тайну, в значительной степени определяющую жребий человека, выходит за рамки античного понимания этой идеи, так как главной героине новеллы дается возможность снять со своего народа многовековое проклятие и вернуть цыган на их «историческую» родину. Как верно пишет Ф.П. Федоров, «объективной необходимостью Гейдельберга является не только миф о грехопадении, но и миф об искуплении» [6, с. 227].

Освобождение от влияния злого рока становится возможным только благодаря любви Изабеллы к эрцгерцогу Карлу (вспомним, что о теме любви писатель заявляет также в своей работе «О свободе и необходимости»). В новелле автор проводит параллель между любовью духовной и физической. Эмоциональной любви Изабеллы, которая уходит в сферы духовного поклонения и где эрос сведен до минимума, Арним противопоставляет чувства ее соперницы, голема, существа из глины, обладающего чувственностью и характеризующегося собой мелкие земные страсти. Голем создан по образу и подобию Беллы, их сходство достигает гротескных масштабов. Ю. Манн, говоря о гротеске в образе куклы, подчеркивает необходимость интенсификации: «Нужно, чтобы кукла или автомат как бы подменили собой человека, чтобы маска как бы срослась с человеческим лицом. <...> На этой почве реализуется возможность подмены, вытеснения “живых” форм “механическими”» [7, с. 290 – 291]. Арним соблюдает каноны такого гротеска, голем так похож на свой прототип, что даже Карл, который знает о существовании двойника, порой не может отличить «копию» от «оригинала».

Идея сходства, являющаяся важным элементом судьбы в готическом жанре, приобретает у Арнима другое звучание. Писатель признает возможность внешнего подобия между людьми, но отрицает якобы вытекающее из него духовное сходство. Именно внутреннее содержание человека определяет в конечном итоге его судьбу, поэтому голем снова превращается в кусок глины. Изабелла, в свою очередь, должна пройти долгий тернистый путь, представленный автором чередой грехопадений, которые может прервать только высокое чувство. Любовь возвышает главную героиню и пробуждает в ней «священное чувство долга», поэтому она решает покинуть Карла и увести свой народ в Египет. Простота и благородство Беллы относят ее в более высокие сферы и направляют к совершенству, возникает новая, «святая Изабелла» [8, с. 627], как утверждает Арним в конце новеллы. Великая королева Изабелла сознательно выполнила предначертанную ей миссию до конца, суд древних египтян провозгласил ее праведницей, и она умерла. Исследовательница А.И. Васкиневич, обращаясь к другому произведению Арнима, роману «Бедность, богатство, прегрешение и покаяние графини Долорес», высказывает созвучную нашим выводам мысль, что у Арнима «...грехопадение <...> неизбежно и включено в процесс совершенствования, которое мыслится возможным лишь перед лицом и на пороге смерти» [9, с. 255]. Таким образом, можно говорить о том, что у писателя сложилась определенная концепция судьбы. В данной концепции, представленной в рамках религиозного понимания, можно выделить несколько важных компонентов. С одной стороны, судьба готовит человеку искушения, которым он не может противостоять, и которые при-

¹ Из всех произведений Арнима на русский язык были переведены лишь две новеллы – «Изабелла Египетская» и «Безумный инвалид с форта Ратонно». В данной работе мы приводим названия новелл, перевод которых предложен в диссертационном исследовании О.И. Заворыкиной [4].

водят к грехопадению (предопределение). Однако истинное раскрытие личности происходит на стадии осознания своих действий и раскаяния, что побуждает человека активно участвовать в творении собственной дальнейшей судьбы (личный вклад, свобода воли).

Возвысив цыганку, Арним развивает мотив грехопадения вокруг образа Карла, которым полностью завладевают стремление к власти, борьба за политическое влияние и меркантильные интересы. По мнению автора, Карл не просто предал свою юношескую любовь, но одновременно перенес проклятие цыган на свой народ, так как он, финансово поддерживаемый альянсом, предпринял в своей политике такие шаги, от которых пострадали потомки, из-за которых произошло разъединение Германии. На примере цыганского народа и судьбы его предводительницы Изабеллы писатель указывает единственно верный для немецкой нации путь из создавшейся ситуации: осознание прошлых ошибок и объединение, к которому призывает долг, являются, по мнению Арнима, средством, способным сохранить национальную самобытность и культурное наследие Германии.

Новелла «Мелюк Мария Блейнвилле, пророчица из Аравии» созвучна и в художественном, и в идейном плане с «Изабеллой Египетской». Художественной формой, к которой прибегает Арним для воплощения своих размышлений о судьбе, является тесное переплетение реальных и фантастических событий, которые становятся обрамлением основной темы новеллы – темы любви. С одной стороны, автор разделяет любовь на высокую (экзальтированная любовь графа к Матильде) и более низкую (эротическая страсть графа и Мелюк). С другой стороны, любовь – это не просто естественное чувство, воспринимаемое в обыденном плане, а та форма человеческих отношений, в которой сконцентрирован целый спектр разных проблем. Во-первых, любовь отражает бинарную суть человеческой природы, где происходит борьба доброго и злого начал. Желание графа обладать двумя женщинами приводит к вынужденному грехопадению и, как следствие, наказанию. Таким образом, Арним убежден в греховности земной телесности. Во-вторых, любовь предстает как эманация божественной энергии в эмпирическую реальность. Любовь Мелюк, незаурядной женщины, оригинального характера, оскорблена и растоптана, вся сила ее чувства некоторое время виртуально направляется на уничтожение графа. Любовь делает Мелюк в некотором смысле «человекобогом», способным сверхъестественным образом управлять чужой жизнью (мотив страшного взгляда) и предсказывать будущую судьбу (как отдельного человека, так и всей Европы). В-третьих, любовь становится неотъемлемым компонентом катастрофы, фантастической смерти. Исследователь А. Бабаянц, предпринявший попытку выявить в художественной литературе различные варианты смерти, пишет, что в произведениях романтиков широкое распространение получила фантастическая смерть, которая была «окружена невероятным количеством мистических наслоений» [10, с. 56]. Финал новеллы можно назвать инвариантом подобной фантастической смерти. Граф и Мелюк погибают от руки убийцы, но их смерть имеет одновременно мистический смысл, так как она была предсказана и, таким образом, как бы заложена в план судьбы. Одновременно с этим смерть включает в себе нравственный аспект, ибо она способствует преодолению внутренней двойственности героев в земной жизни, совершается согласно высшей целесообразности (спасение Матильды и ее детей) и воспринимается как способ воссоединения с возлюбленным (Мелюк выбирает смерть добровольно и целенаправленно).

В сознании персонажей реальные и фантастические события в их судьбе воспринимаются как неделимое целое. Такой взгляд Арнима на идею судьбы свидетельствует о том, что писатель воспринимает судьбу как метафизическую категорию, попытки объяснения которой с чисто рациональной точки зрения заведомо невозможны. Однако при всей значимости иррациональной сущности судьбы и ее предопределенности главным для автора остается вопрос о поиске и приобретении человеком подлинного смысла жизни.

Произведение звучит как отклик на социально-политические события современной Арниму эпохи. Изображение судьбы отдельного человека, зависящей от многих факторов, в том числе, от текущего исторического момента, становится основанием для более масштабных размышлений – «авторская личность», незримо, но явственно присутствующая внутри новеллы, дает мрачный прогноз дальнейшего состояния западноевропейского общества и его судьбы. «По мнению Арнима, базис рационализированной, управляемой и руководимой инстинктивным стремлением к наживе и власти политической истории образует метафизическая сила, определяющая историческое развитие» [11, с. 1016]. Но, несмотря на предзаданность судьбы, которая до определенной степени действует как в отношении отдельного человека, так и целого народа задачей первостепенной значимости для немецкой нации является самостоятельное определение своего дальнейшего развития и будущей «коллективной» судьбы.

В романе «Хранители короны» Арним вновь обращается к национальному вопросу, на этот раз к национальной истории. В произведении находит отражение идея национального единства Германии, которую, на наш взгляд, можно назвать ключевой в творчестве писателя. Национальное единство ассоциируется у Арнима с правлением династии Гогенштауфенов, временем расцвета Германской империи. На достижение этой цели направлены действия тайного общества хранителей короны Гогенштауфенов, которое писатель во многом организует по принципам масонского ордена. Ими руководит «великая» идея (объединение и процветание Германии), общество функционирует, но при этом окутано «священной» тайной (автор

намеренно избегает детального описания, общество всегда находится на заднем плане), тем не менее оно является мощной организацией, способной из-за кулис осуществлять намеченные цели. Идея судьбы в романе выражена наиболее ярко в образах главного героя Бертольда и его приемного отца Мартина. Оба персонажа самым непосредственным образом связаны с династией Гогенштауфенов: Бертольд является одним из потомков старинного рода, Мартин некогда состоял на службе у хранителей короны.

Основополагающим принципом, «организующим» в романе судьбу Мартина, становится для Арнима тройственность человеческой сущности. Л.А. Романчук пишет: «Человек <...> изначально <...> обладает тройственной структурой: духом, стремящимся к Богу, душой, обладающей возможностью выбора между добром и злом, и плотью, тяготеющей к злу» [12, с. 44]. Тройственность в романе является идейным и одновременно формальным признаком. Мартин верит в Бога и в чудесную силу Божественного провидения. Но его поступки определяют внешние обстоятельства, которым он не в силах сопротивляться, поэтому Мартин нарушает божественную заповедь, совершает убийство, но позже раскаивается в содеянном, что побуждает его уйти со службы стражей короны. В судьбе Мартина намечены две линии: тройственность его натуры определяет *содержание* судьбы, троичность как числовой знак становится *внешним атрибутом* судьбы. И автор, и его герой придают этому знаку большое значение. Писатель заостряет внимание читателя на трех церковных башнях, сам Мартин предсказывает своей жене трех мужей, а вместе с этим и свою близкую смерть. Спев песню, и, таким образом, в третий раз упомянув хранителей короны, он погибает, сраженный стрелой. Используя принцип тройственности и троичности, Арним не только обеспечивает единство формы и содержания, он хочет, прежде всего, отразить мистическую потусторонность судьбы.

В судьбе Бертольда центральное значение писатель отводит теме договора человека с дьяволом. Фауст, омолодивший Бертольда и подаривший ему благодаря кровопусканию вторую жизнь, предстает в романе как доктор-целитель, шарлатан и мошенник в одном лице. Идея второй жизни благодаря переливанию крови заключает в себе несколько ключевых моментов, которые демонстрируют, что Арним трансформирует средневековую идею о заключении договора с чертом и дает ей новое содержание. Во-первых, творение жизни перестает быть лишь божественным действием, происходит отказ от синтетического единства Творца и человека. Во-вторых, при принятии решений активизируется человеческая воля, тем самым, отчетливо прослеживается мысль автора, что человек может активно вмешиваться в происходящие события, собственную жизнь, а в более масштабном понимании и в ход истории. В-третьих, искушение, традиционно исходящее извне, переносится Арнимом вовнутрь, так как переливание крови изменяет не только организм, но одновременно сознание и подсознание героя. Таким образом, тема искушения переосмысливается писателем в аспекте внутрлической проблемы.

Новая физическая жизнь Бертольда не означает нового духовного подъема. Чужая кровь приводит к активизации чуждых ему ранее начал: физическая активность пробуждает у него интерес к рыцарской романтике, турнирам. Таким образом, Арним синтезирует антитезы «новое» - «старое», так как физическое обновление воскрешает старые средневековые идеалы. Однако новая жизнь Бертольда изображается автором негативно – это событийная, но суетная и ничемная жизнь. Как пишет Х. Хертль, «если первая жизнь Бертольда на посту бургомистра Вайблингена определялась бюргерскими законами, то вторая жизнь приводит к социальной дегенерации» [13, с. 582]. Новые жизненные ориентиры Бертольда, видимо, не могут быть иными, ибо жизнь, созданная без всемогущей руки Творца, идет в разрез с христианскими законами, лишается своего сакрального смысла, не может рассматриваться как истинное существование, и априори бесполезна.

Как и в более ранних произведениях жизнь главного героя завершается мистической смертью. В романе, как и в новеллах «Изабелла Египетская» и «Мелюк», отчетливо прослеживается авторская мысль о том, что смерть может и должна восприниматься положительно. В «Хранителях короны» Арним представляет смерть Бертольда как некое таинство соединения божественного и человеческого: последним словом главного героя было слово «аминь», которое завершило его размышления о смысле и сути человеческого бытия. Бертольд умирает в день крещения своего сына, и данное обстоятельство имеет символическое значение. Торжественная смерть в гробнице Гогенштауфенов – не просто конец личного бытия, это преодоление некогда совершенного грехопадения и одновременно освящение новой жизни. Судьба и смерть Бертольда, где важное место отводится свободному волеизъявлению индивидуума, демонстрируют, прежде всего, сложность и противоречивость человеческого устройства, так как в разные периоды жизни в человеке могут доминировать плотское или духовное начала, могут побеждать злые или добрые намерения.

В творчестве Арнима особое место занимают новеллы «Фрау фон Заверне» и «Безумный инвалид с форта Ратонно». Их выделяет подход автора к изображению действительности. Здесь, как и в других произведениях, неотъемлемым элементом объективной реальности являются фантастические элементы, которые указывают на то, что принципы мироустройства нельзя свести к некоей упрощенной схеме, так как даже отдельный человек, предстающий как микрозвено этой системы, представляет собой сложный, непредсказуемый до конца в своих мыслях и действиях организм. Характерным признаком обеих новелл, как и ранее, является наличие как романтических, так и реалистических элементов, однако романтические мотивы и

происшествия подчинены общей реалистической фабуле (в других произведениях романтические и реалистические элементы фактически неразделимы и находятся по отношению друг к другу в соподчинении).

В новеллах отчетливо прочитывается вера автора в судьбу как высшее предопределение. Приемы, к которым прибегает Арним, чтобы продемонстрировать наличие судьбы, достаточно традиционны для романтической литературы: предсказание будущего, основанное скорее на интуиции, чем на истинном знании, и тема демонизации внутренней сущности человека. Несмотря на это автор не исключает из процесса «творения» жизни активное личностное начало. Так, госпожа фон Заверне, увлекаемая страстным желанием увидеть своего кумира – короля, отправляется в Париж, а Розалия, идя против воли матери, остается с раненым Франкером, а затем выходит за него замуж.

Оба произведения отличает повышенный интерес к носителям земного зла. В новелле «Фрау фон Заверне» подвергается исследованию человеческая дьяволиада, делающая легитимным применение антигуманных методов лечения душевнобольных людей. В «Безумном инвалиде» Арним пытается осмыслить внутренние разрушительные инстинкты человека, зараженного злом. Вера в судьбу, мотивы и темы, изображаемые писателем в новеллах, являются романтическими, но благодаря материалистическому объяснению (стремление завладеть имуществом пациентов «Фрау фон Заверне»; осколок кости в голове Франкера, вызывавший непредсказуемые психические реакции) романтические по своей сути элементы становятся реалистичными. Тем не менее, было бы преувеличением отнести названные произведения к образцам реалистической литературы, так как в финале новелл вопреки всему побеждает романтическая любовь. Любовь становится не просто кульминационной точкой произведения, она является высшим смыслом жизни человека, его судьбы. Наиболее отчетливо автор выделяет эту мысль в «Безумном инвалиде»:

«Ах, благодать сильней проклятья,
сильнее дьявола любовь» [15, с. 189].

Проанализировав и сопоставив раннюю критическую работу Арнима «О свободе и необходимости, наряду с некоторыми замечаниями о моральной системе» и ряд произведений писателя, можно сделать вывод, что концептуальное содержание идеи судьбы со временем не претерпевает существенных изменений. Идея судьбы представлена у Арнима в рамках религиозного понимания и является метафизической категорией. Неотъемлемыми стадиями реализации судьбы человека становятся любовь, грехопадение, раскаяние и преодоление греха посредством духовного очищения. Основной формой репрезентации идеи судьбы у Арнима являются фантастические элементы, которые используются автором для демонстрации сложности, противоречивости человеческой природы и существующего миропорядка. Идея судьбы в творчестве писателя неразрывно связана с национальной проблематикой, выполняет назидательную и в некотором смысле воспитательную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schulze H. Kleine deutsche Geschichte. – München: Beck, 1996. – 276 S.
2. Федоров Ф.П. Художественный мир немецкого романтизма: Структура и семантика. – М.: МИК, 2004. – 368 с.
3. Arnim A. v. Über Freiheit und Notwendigkeit, nebst einigen Bemerkungen über ein Moralsystem. Ein Schreiben an Herren Justizrat Nöldechen zu Ruppin. – In: Arnim A.v. Werke. 6 Bde. – Fr.a.M., 1989. Bd. 6.
4. Заворыкина О. И. Новеллы А. фон Арнима. Проблемы поэтики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. – М., 1987. – 16 с.
5. Щукин В.Г. В мире чудесных упрощений (к феноменологии мифа) // Вопросы философии. – 1998. – № 11. – С. 20 – 29.
6. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. – Рига: Зинатне, 1988. – 456 с.
7. Манн Ю. Поэтика Гоголя. – М.: Худ. литература, 1988. – 412 с.
8. Arnim L.A.v. Die Erzählungen und Romane. Bd. 1. – Leipzig: Insel-Verlag, 1981. – 1067 S.
9. Васкиневич А.И. Роман Арнима «Бедность, богатство, прегрешение и покаяние графини Долорес»: религиозная модель романтической философии свободы // Балтийский филологический курьер. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – № 4. – С. 253 – 266.
10. Бабаянц А. Несколько замечаний о категории смерти в литературе // Начало: Сб. ст. Вып. 5. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 52 – 64.
11. Werner H.-G. Anmerkungen / L.A. v. Arnim // Die Erzählungen und Romane. Bd. 1. – Leipzig: Insel-Verlag, 1981. – 1067 S.
12. Романчук Л.А. Творчество Годвина в контексте романтического демонизма. – Днепропетровск: Полиграфист, 2000. – 181 с.
13. Härtl H. Nachwort // Arnim A.v. Die Kronenwächter. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1980. – 597 S.
14. Арним А. фон. Одержимый инвалид в форте Ратонно // Избранная проза немецких романтиков: В 2-х т. – М.: Худ. литература, 1979. – Т. 2. – 430 с.